

Вег. Москва. - 1994. - 3 дек. - с. 8.
Приглашение на встречу

«Мы живем, словно в страшном сне На Второй гражданской войне...»

7 декабря в 19 часов в Театре эстрады состоится творческий вечер
Евгения Евтушенко

А в заголовке — строчки из его нового, еще нигде не опубликованного стихотворения, посвященного Диме Холодову. Евгений Евтушенко будет читать его в Театре эстрады. Я попросила поэта подробней рассказать, что же ждет его поклонников.

— Евгений Александрович, недавно «с вашей подачи» прошел вечер «шестидесятников» — «Автограф», организованный «Литгазетой», он стал заметным событием в культурной жизни Москвы. Но выступление Игоря Иртеньева мне послышалось резким диссонансом «шестидесятичной» поэтической традиции...

— Понимаете, постмодернистское поколение наших поэтов часто уходит в сарказм, иронию, пародирование, чего никогда не было у «шестидесятников». Иногда это у них получается остроумно, смешно, привлекательно, но не более. А когда поэт углубляется в этом направлении, то легкая, казалось бы, ни к чему не обязывающая ирония всегда оборачивается вседозволенностью. Литературная же маска имеет свойство прирастать к лицу, резко его изменяя. Так случилось с несколькими шедшими за нами поколениями поэтов. И когда, слава Богу, исчезла цензура, то вседозволенность обернулась вдруг то пошлостью, то несколько безразличным, быстро, ни на чем не останавливающимся взглядом.

Для настоящего поэта чувства иронии по отношению к жизни мало. Поэта без определенной доли идеализма не может быть. Наше поколение — это поколение романтиков, бунтарей, но умеющих прежде всего любить.

— На вечере «Автограф» зал резко делился по возрасту слушателей. Это были либо ваши сверстники, либо совсем юные.

— Конечно! Мы не потеряли старых своих читателей и почитателей. Но, к сожалению, приобрели и новых, совсем молодых.

— Почему, к сожалению?

— Да потому, что у молодых нет сегодня «своих» поэтов, пишущих о них и для них, отвечающих на их вопросы. Молодость — это ведь время любви. А здесь все всегда непонятно и сложно. И сегодня, уверен, молодые влюбленные хватаются за лирику Ахмадулиной, Окуджавы, Рождественского, Вознесенского — и интимную, и исповедальную. Эти стихи, за неимением в продаже ранних наших изданий, переписываются из тетрадки в тетрадку.

— И, наверное, поэтому вы включили в программу своего вечера ранние стихи?

— Да, несмотря на то, что за последнее

время написал очень много нового. Но читать буду как свое старое, так и недавнее. Вот и о Диме Холодове тоже. Сейчас очень спешу закончить совсем крошечную по объему поэму, которую пишу, однако, с октября прошлого года — о тех страшных событиях. В ее основе доподлинный случай. Неподалеку от Белого дома строители ремонтировали теплоцентраль, а когда началась стрельба, они бросили работу, как это умеют делать только русские, оставили люк открытым и побежали, кто куда. Кто защищать Белый дом, кто просто поглазеть. В это время одна молодая женщина катила колясочку со своей маленькой дочкой. И... не заметила открытого люка. Девочка погибла.

В этой поэме, как и в жизни, я ни на чьей стороне. Вот недавно был на презентации книги Михаила Сергеевича Горбачева «Союз можно было бы сохранить», и он предложил мне вступить в возглавляемый им комитет. Но я не хочу быть ни в одной партии или там комитете. Точнее, я в партии той маленькой погибшей девочки. Никем не учтенной жертвы.

— Евгений Александрович, а что еще мы услышим?

— Это будет необычный для меня вечер, потому что во втором отделении буду читать то, что попросят слушатели. Буду выполнять все заявки. Ну, кроме того, хочу устроить распродажу своих книг.

— Из каких запасов и какие? По-моему, их невозможно сейчас купить.

— Это мой последний роман «Не умирай прежде смерти». Кроме того, у себя в архиве нашел в небольших количествах старые издания — трехтомник и однотомник. Есть еще и уникальное коллекционное издание стихов, выпущенное в Лондоне. Всего 130 тысяч экземпляров. Рисовая китайская бумага, на изящной обложке засушенный цветок. В конце встречи всем желающим буду подписывать свои книги.

— Евгений Александрович, знаю, что вы очень давно готовите уникальную антологию русской поэзии XX века...

— Да, в издательстве «Полифакт». В антологии представлены 880 лучших, на мой взгляд, поэтов. Я работал над антологией 23 года. И, по-моему, это лучшее, что я сделал за всю свою жизнь. Но к вечеру тираж, к сожалению, не успеет.

— Я согласна с вами, что ушедшая в небытие традиция поэтических вечеров должна возвратиться. Но в наше смутное время, когда, чтобы снять зал, нужно целое состояние...

— Знаете, я очень благодарен Театру эстрады и его руководителю Борису Брунову за то, что подарили мне возможность встретиться с моими читателями. Вечера поэтов сегодня действительно редки, да и музыкальные тоже. Я недавно выступал на «Авторadio» и услышал там прекрасные, но уже забытые песни. А когда-то их так любили... Услышал Магомаева, он меня потряс! Какой там Паваротти! С тех пор мечтаю о своем музыкальном вечере, где бы прозвучала и оратория Дмитрия Шостаковича на стихи моей поэмы «Степан Разин». И песни в исполнении Александра Малинина, и записи Клавдии Шульженко. Я бы даже рискнул и сам спеть. Эту мысль мне внушил композитор Игорь Николаев, и однажды я попробовал. Зрителям понравилось... Ну а пока жду москвичей в Театре эстрады.

Беседовала Татьяна ГЛИНКА

149